

Н.П. КАЛМЫКОВ

РОССИЯ И США В XX веке

Тема отношений между Россией и США – всегда одна из самых обсуждаемых в нашем обществе. Существует многообразие суждений и оценок, среди которых можно найти прямо противоположные по смыслу и настроению: от восхищения американской страной до полного ее неприятия. Среди американцев такой же разброс мнений: для одних Россия по-прежнему “империя зла”, всегдашний враг Америки, для других – страна высокой культуры, Льва Толстого и Антона Чехова, с добрым, но несчастным народом, который постоянно страдает от меняющейся время от времени, однако, всегда тиранической власти. Но как редко среди безмерного числа выступлений и публикаций на эту тему встречаются такие, где можно найти оригинальные и обоснованные выводы, покоящиеся на твердом фундаменте фактов и глубоком понимании природы тех или иных явлений, волнующих людей. Именно такой является новая серьезная работа известного американиста доктора исторических наук, профессора В.Л. Малькова¹.

Название этой книги весьма точно отражает ее содержание, жанр и особенности подхода к исследуемому предмету. Она посвящена проблеме взаимоотношений между двумя самыми значительными субъектами исторического процесса в минувшем столетии. Охватывает весь век, и, если кто-то возразит, что, судя по оглавлению, в книге рассказывается только о первой его половине, мы в праве возразить им – читайте внимательно, и вы убедитесь: освещаая события начала или середины столетия, автор умело протягивает сюжетные линии в ближайшее и отдаленное будущее, восстанавливая “времен связующую нить”. Хотя время Картера и Рейгана, Клинтона и Буша, Брежнева и Горбачева дано обобщенно (а “правление” Ельцина вообще упомянуто в нескольких фразах), дыхание современности ощущается во всей книге – прямыми отсылками или в контексте, в приглашении к разговору о последствиях описываемых событий.

Это, именно очерки, а не фронтальное изложение событий, хотя хронологический принцип подачи материала, безусловно, дисциплинирует авторскую мысль. Вместе с тем историк легко пересекает пространства исторических эпох, отыскивая в прошлом истоки сегодняшних событий или заглядывая в будущее, уже свершившееся или ждущее своего часа.

Ядро книги составляют проблемы межгосударственных отношений и дипломатии, но автор излагает их не традиционным способом, а представляет как напряженный диалог двух цивилизаций, оказывавших наибольшее влияние на развитие всего мира в минувшем веке. Диалог, рассматриваемый не только как совокупность дипломатических вызовов и ответов, но и как соревнование идей, оценок отдельных событий и глобальных явлений и процессов людьми, принадлежащими различным культурам и поколениям. Диалог тем более сложный, что он отражал течение мировой истории, вовлекавшее в себя огромное число участников.

Калмыков Николай Петрович – кандидат исторических наук, шеф-редактор (гуманитарные и социальные науки) издательства “Большая Российская Энциклопедия”.

¹ Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М.: изд-во “Наука”, 2009, 495 с.

Россия и США – государства-континенты, выросшие из единого цивилизационного ствола, географические, а в XX в. и геополитические антиподы, в своем историческом развитии имели и до сих пор сохраняют черты подобия, но в то же время и признаки бесспорных различий. В обеих странах, может быть, больше, чем где-либо, выявляются такие, казалось бы, несовместимые качества, как разобщенность и стремление к внутреннему единению. У американцев это в значительной степени следствие влияния изначально зарядившего эту страну кальвинистского учения о личном общении с Богом и предопределении, с одной стороны, и освоенная еще отцами-пилигримами практика совместного преодоления сопротивления природы и аборигенов, выработавшая в нации устойчивые навыки создания многообразных форм гражданского общества. У русских веками сосуществовали принципы общинного уклада жизни и соборности с глубокой сословной рознью, заставлявшей временами аристократию и народ изъясняться буквально на разных языках. В России и США столетия действовала система использования принудительного труда, от которой обе наши страны отказались почти одновременно. Обе они пережили кровопролитные гражданские войны, проложившие глубокий след в национальном сознании. Парадоксальным образом и США, где научно-техническое знание и прагматизм составляют мировоззренческий фундамент образованной части нации, и Россия, пережившая десятилетия богоборчества, на сегодняшний день являются наиболее “верующими” странами с преобладанием христианских конфессий, отличаясь в этом смысле от католической и протестантской Европы, где религиозная вера по большей части оказалась вытесненной на периферию национальной жизни. Наконец, обе нации опирались в своем долговременном политическом опыте на экспансионизм и имперскую оценку собственного места в мире. В XX столетии и СССР, и США, исходя из разных мотивов, претендовали на мессианскую роль для остального мира, причем Америка не рассталась с такого рода интенциями и в наступившем веке.

Вместе с тем кажущаяся близость американской и российской цивилизаций имеет свои пределы, и было бы опрометчиво настаивать на их сближении как основе для поиска единой культурно-исторической матрицы или для использования исторического опыта одной из них в качестве модели развития другой. Разный путь в истории, разные вызовы и разные жертвы, принесенные на алтарь различным образом понимаемого прогресса. У американцев существует культ демократии, в России же это понятие не вызывает ныне прежнего оптимизма, а с некоторых пор у значительной части населения порождает скорее отрицательные эмоции. У американцев “успешный человек” образец для подражания, в России его называют “новым русским” или “олигархом”, и он является непрременной мишенью для общественной критики. У нас очень разные способы соединения этнических компонентов в нацию: в России большие и малые народы в рамках общего государства всегда сохраняли историческую самобытность, американская страна – “плавильный котел”, порождающий единственно возможный, по их разумению, “американский образ жизни”.

Все это превращает изучение проблем взаимоотношения между американской и российской цивилизациями, хотя бы на ограниченном временном отрезке, в задачу не простую, даже если иметь в виду только предложенный далеко не полный список сопряжений и размежеваний между ними. При этом нельзя упускать из вида, что на эти взаимоотношения оказывает немалое влияние остальной противоречивый и беспокойный мир, не раз менявший свое отношение к этим странам. Во введении к книге В.Л. Мальков даже использует понятие коллективной внешней политики, когда ее содержание в значительной степени определяли не главные авторы, а их союзники, подталкивавшие к принятию заинтересованных решений.

В.Л. Мальков нашел своеобразный способ решения этих проблем: осмысление межгосударственных отношений в историко-культурологическом преломлении, когда политическое действие диктуется не только прагматическими соображениями, здравым смыслом, но и мотивами, продиктованными различной национальной или социальной ментальностью, культурно-историческим опытом наций, стереотипами коллективного

сознания. В то же время это ни культурно-антропологический очерк истории США и России, ни историософские экскурсы в далекое и недавнее прошлое наших народов (весьма удачным примером в этом жанре можно считать книгу Э.Я. Баталова “Русская идея и американская мечта”. М., 2009), ни имажинологические наблюдения (здесь есть смысл напомнить о захватывающе острой и даже провоцирующей книге об Америке Г.Д. Гачева², где и России отведено немало места). Новая книга В.Л. Малькова – это история международных отношений XX в. в скрещении исторических путей двух великих наций, рассматриваемых в качестве уникальных цивилизационных типов.

В кратком полемичном введении автор объясняет принципы, положенные в основу своей работы, и приносит дань уважения целой когорте отечественных американистов и историков-международников, отмежевываясь одновременно от тех историков, которые грешат упрощенными и конъюнктурными подходами к проблемам истории новейшего времени.

Затем следуют девять очерков, каждый из которых является самостоятельной, законченной работой, но связан с другими общей идеей и постоянными реминисценциями, напоминаниями об уже сказанном и своего рода “просвечиванием” будущего, что позволяет видеть в книге определенную целостность.

Первый очерк в значительной степени носит историко-теоретический, главным образом историко-культурологический характер. В нем В.Л. Мальков, оставаясь историком-профессионалом, для которого исторический факт – неотъемлемая и базовая часть любой концепции, уходит далеко от позитивистского любования событием, не только не преодоленного в отечественной историографии, но даже завоевавшего в последние десятилетия еще более прочные позиции, казалось бы, основательно поколебленные еще в начале XX в. марксистским и неокантовским видением исторического процесса. Славянофильские, западнические, либеральные, охранительные, почвеннические, нигилистические идеи – все в поле зрения историка, со всеми он ведет скрытую или явную полемику, при этом главной заботой для него остается проблема взаимного видения американцев и русских, оценка собственного и чужого исторического пути, особенностей национального характера. Обращает на себя внимание эрудиция автора, свободно сближающего и разводящего самые различные фигуры русской общественной и политической мысли: Радищева и Данилевского, Пушкина и Каткова, Леонтьева и Милокова. Наибольшее внимание, да пожалуй, и симпатии обращены к Н.А. Бердяеву, сложное и противоречивое мировоззрение которого постоянно вращалось вокруг проблемы “русской идеи”. Правда, идти шаг в шаг с философом, который находил в невыгодных для своего положения изгнанного эмигранта оправдание диктатуре коммунистов как единственной силе, защищающей Россию, и в то же время клеймил этатизм и царских, и советских времен, видя в нем главную причину провала мессианской идеи Третьего Рима, автор рассматриваемой книги отказался. Особый интерес исследователя к Бердяеву представляет собой тем не менее психологическую загадку: последовательный в своих изысканиях и пытливый историк В.Л. Мальков с давних времен испытывает особый вкус к изучению проблем государственной политики и воздействия науки на общество и власть, тогда как Бердяев категорично не приемлет ни того, ни другого: “Наука, подобно государству, ветхозаветна и не знает творчества”. Преимущественно критическое восприятие американского бытия большинством русских мыслителей от консерватора Леонтьева до народника Короленко и марксиста Г.В. Плеханова, предполагает, что диалог между Россией и США обещает быть непростоим. В целом панорама русской общественной и политической мысли удалась. При этом американская интеллектуальная среда показана менее дифференцированно, о ее многообразии говорится довольно бегло; автор концентрирует внимание главным образом на мыслях внимательного наблюдателя российской жизни Дж. Кеннана – почитателя Льва Толстого и непреклонного критика царизма.

² Гачев Г. Национальные образы мира. Америка. М., 1997.

Кстати о царизме. В.Л. Мальков убедительно нарисовал в этой главе картину углублявшегося на протяжении всего царствования Николая II общественно-политического кризиса, но, как мне кажется, чрезмерный акцент сделал на личности царя (в этом автор солидарен с В. Вильсоном, невысоко ценившим государственные способности российского монарха), тогда как этот государь не был создателем сложившейся ситуации, а оказался скорее заложником драматического развития событий, где его желания и воля уже мало что значили. Не его личная вина или заслуга в том, что на курантах самой истории был отмерен последний час российского абсолютизма (кстати, неслучайно подобной оказалась и судьба монархий в Германии и Австро-Венгрии, типологически близких к российской). Набиравшая силу экономическая модернизация решительно востребовала создания иной политической системы, несовместимой не только с самодержавием, но и с его символами, к числу которых относилась фигура и личность царя. Впрочем, это хорошо видно из авторского текста и здесь речь может идти лишь о различиях в нюансах.

Американские политики приложили руку к ослаблению царского режима, помогли укрепить антимонархическому движению. Их арсенал воздействия на ситуацию в мире, как показывает В.Л. Мальков, уже тогда был весьма разнообразен, и пользовалась американская дипломатия им весьма искусно. Помимо традиционной дипломатии применялись также и неясные методы, где государственные и частные интересы подчас неразличимы. Об этом автор говорит почти намеком, но достаточно внятно, когда речь заходит о готовности политических и деловых кругов США поспешествовать и российским республиканцам в осуществлении их антимонархических целей, и национальным группам, стремившимся разрушить империю. Речь идет об использовании «возможности мобилизации финансовых и прочих ресурсов Америки в интересах поддержания прямых и «неформальных» контактов с неконформистскими течениями и группами в России, имевшими, как правило, национальную окраску» (с. 106). Эти хорошо отработанные приемы американские политики применяли на протяжении всего XX в. (технология их использования, в частности, недавно получила впечатляющее разъяснение в книгах американского политического журналиста Дж. Перкинса об «экономических убийствах», практикуемых американской политической и предпринимательской элитой по всему свету). Да и как тут же не вспомнить «бархатные» и «оранжевые» революции в Восточной Европе и Азии в конце XX – начале XXI в., так энергично поддержанные Соединенными Штатами.

Свержение Николая II, однако, не привело к тем результатам, на которые рассчитывали американские политические круги: ни кадеты (а на них делалась главная ставка), ни умеренные социалистические партии не смогли вдохновить изнемогавшую от затянувшейся войны нацию на выполнение союзнических обязательств. Утверждение советской власти не устроило союзников, но США проявили большую дипломатическую гибкость, чем лидеры европейских держав. Дипломатия Вильсона решила не складывать «все яйца в одну корзину» и, прежде чем полностью перейти к поддержке антибольшевистских сил, пыталась заигрывать и с Советами. Ходы американских руководителей на шахматной доске международных отношений в эти переломные годы хорошо показаны во второй главе книги. Наибольший интерес вызывают страницы, посвященные непростым отношениям американских властей с Колчаком. Автор показал, что Белое движение не могло рассчитывать на безоглядную поддержку со стороны США, истеблишмент и часть интеллектуальной элиты которых видели в Колчаке в первую очередь не борца с «красной тиранией», а реставратора авторитарных порядков в России, далекого от понимания западных либеральных ценностей. По нескольким иным причинам сомнения в целесообразности оказания помощи Колчаку высказывал помощник государственного секретаря Б. Лонг, который в беседе с представлявшим интересы омского правителя послом Б.А. Бахметьевым отметил отказ простых крестьян иметь дело с жестокими военными властями. За этим проглядывалось нежелание американцев ввязываться в «горячее» дело на стороне не пользующегося поддержкой населения адмирала с консервативными взглядами. Этот идеологизированный под-

ход к “русскому вопросу”, однако, вполне уживался, как показывает В.Л. Мальков, в сознании Вильсона и его окружения с прагматическими соображениями о поиске опоры для обеспечения американских интересов в лице разного рода сепаратистских деятелей, готовых к расчленению Сибири, которая могла в таком расчлененном виде перейти под американский контроль.

Чрезвычайно интересны страницы, посвященные “новому курсу” Ф.Д. Рузвельта (третья глава), выдающимся знатоком которого в отечественной историографии давно считается автор книги. Анализируя проблемы восприятия советского опыта в Америке 30-х годов, В.Л. Мальков показывает, как активно использовалась “советская” тема критиками рузвельтовской политики в социальной и экономической сферах. Атаки на “новый курс”, прежде всего со стороны консервативных республиканцев, подкреплялись мощной пропагандистской кампанией – американцам навязывалась идея о том, что Рузвельт в своих экспериментах, вдохновленный якобы практикой “советов”, приведет и экономику, и общество к краху. Этот фактор внутривнутриполитической жизни США, хотя и не стоит его преувеличивать, все-таки оказывал воздействие на самого Рузвельта и его соратников, весьма сдержанно относившихся к идее укрепления и развития отношений с государством, воплощавшим, по мнению многих, авторитарную, неприемлемую для американцев ни в целом, ни в деталях советскую модель. Автор не останавливается подробно на деятельности друзей СССР, левых и коммунистических деятелях и организациях – об этом в нашей историографии сказано немало. Однако было бы небесполезным все-таки оценить влияние на американское общество таких объективных экспертов по советским проблемам, как У. Чемберлин, Н. Томас и другие, которые только названы в книге, но “право голоса” в ней не получили.

Из трех параграфов четвертой главы “Рандеву двух дипломатий. Великая депрессия и предвоенный кризис 30-х годов”, охватывающей историю 1930-х годов, особенно примечателен третий “Возвращение Бейнбриджа Колби”. В нем, как в капле воды, можно увидеть основные особенности исследовательского почерка одного из ведущих наших американистов, умение связывать воедино, казалось бы, совсем независимые друг от друга куски истории. Сам Колби фигура далеко не выдающаяся. Он меньше года пробыл на посту государственного секретаря, его имя обычно игнорируется в словарях и энциклопедиях. И тем не менее в истории российско-американских и советско-американских отношений он оказался знаковой фигурой. Его фамилия появлялась на страницах книги, когда разговор шел о выработке американской политики в отношении России эпохи Гражданской войны. Колби относился к тем дипломатам США, которые считали возможным вести курс на ослабление позиций советского правительства на восточной территории России, вплоть до расчленения ее и установления над ней фактического протектората США. В то же время он полагал сохранить европейскую часть бывшей Российской империи в консолидированном виде, как противовес самому мощному европейскому государству на континенте – Германии, поверженной, ослабленной, но потенциально способной к восстановлению своих сил. Именно Германия сейчас или в будущем могла бы доминировать на западных землях прежней России, случись им отложиться от нее. Поэтому он разослал в августе 1920 г. специальную ноту американским послам с разъяснениями, почему “его правительство отказалось признать Прибалтийские государства” (с. 147). Правда, спустя почти три года уже другая американская администрация признала эти государства, тогда как Советская Россия ожидала этого акта от США вплоть до 1933 г. Казалось бы, что эпизод с нотой Колби безвозвратно канул в Лету, но тем и примечательна американская дипломатия, что она никогда ни от чего навсегда не отказывается, и это убедительно показал автор. И вот в условиях резкого усложнения международной ситуации в конце 1930-х годов наследие Колби, хотя и в несколько другом формате, оказалось востребованным. Справедливо усматривая в Германии наибольшую угрозу интересам США в Европе, в американских дипломатических кругах стали проявлять особую гибкость в оценке развития событий вокруг лимитрофных по отношению к Германии и СССР государств. Разбирая в высшей степени запутанную интригу в связи с меняющимся

видением госдепартаментом дипломатических и военно-стратегических проблем в Восточной и Центральной Европе, В.Л. Мальков провел филигранную работу с источниками (в первую очередь с донесениями американского посла в Латвии и Эстонии Дж.К. Вайли) и показал, как и почему эволюционировала американская политика в названном регионе в соответствии с национальными интересами США. Разъяснения Вайли были приняты Рузвельтом, и в разгар Второй мировой войны Рузвельт давал Сталину успокоительные заверения по поводу американской позиции по вопросу о возвращении Прибалтики в состав СССР. Забегая вперед, заметим, что нота Колби вскоре, с началом “холодной войны”, вновь потеряла актуальность, и вопрос о статусе Прибалтийских республик с завидным постоянством поднимался американским правительством. Рачительность и бережливость американской дипломатии в отношении собственного накопленного опыта не раз проявлялась в новейшее время. Достаточно вспомнить, например, разного рода апелляции американского руководства к “доктрине Монро”. Или, скажем, недавно весьма убедительно рассказал в книге “Единство и разобщенность Запада” (М., 2007) Ф.Г. Войтоловский о судьбе “трилатеризма” – одного из знаковых явлений “киссинджерской эпохи” американской внешней политики, которое не отправили навсегда в архив в связи с курсом на формирование однополярного мира, а вспоминают о нем, когда возникает в этом необходимость.

Пятая глава книги посвящена проблеме возникновения “холодной войны”. Предпосылки для появления “холодной войны” сложились задолго до того, как политики и ученые обозначили ее этим термином. Более того, она порождена не только фактом одновременного существования двух враждебных социальных систем и идеологий, но и фобиями с весьма солидным стажем. Именно здесь ярче всего проявился заявленный автором социокультурный взгляд на проблему, о чем свидетельствует ключевая фраза: “Европеизация России в XIX – начале XX в. не сняла страха и недоверия к ее намерениям в Европе ни у представителей аристократии, ни у сторонников идей пролетарской революции” (с. 250). И далее автор показывает, как на такого рода предубеждениях и стереотипах взаимных представлений (российское сознание также издавна пронизано недоверием по отношению к Западу) насаивались новые предубеждения.

В.Л. Мальков имел право отказаться от сколько-нибудь подробного изложения проблем, связанных с историей Второй мировой войны. Действительно, эти сюжеты обстоятельно исследованы в многочисленных работах отечественных историков, в том числе и самого В.Л. Малькова. Но и в его новой книге есть страницы, на которых речь идет о дипломатии военного времени. Особенное значение имеет шестая глава, где излагается сущность переговоров между участниками антигитлеровской коалиции об устройстве послевоенного мира. Однако для полноты картины, создаваемой с помощью историко-антропологических подходов, стоило бы об этом периоде сказать несколько больше. И не только потому, что это было временем наиболее интенсивных контактов между дипломатиями обеих стран, но и потому, что никогда прежде и никогда после трагических и героических лет совместной жестокой войны с нацизмом советско-американские отношения не были столь сердечными. Ибо питались они не столько расчетами политиков и дипломатов, сколько душевными порывами огромного числа людей, далеких от политики и близких друг другу в едином желании стать рядом в годину общих тяжелых испытаний.

Во второй половине исследования автор рассматривает послевоенную историю международных отношений. Здесь очевиден отход от хронологического построения изложения, поскольку автор рассматривает проблему под разными углами зрения, подводя читателя к мысли, что советско-американские отношения, а теперь и российско-американские, представляют собой сложный комплекс взаимодействия различных силовых полей.

О главных событиях, взорвавших атмосферу сотрудничества недавних союзников, повествуется в восьмой главе книги. Атомная бомба заслонила в сознании политиков всех стран, а особенно США и СССР, видение и сегодняшнего, и завтрашнего дня мира. Социально-психологический контекст советской и американской дипломатии

дан в этой главе разнопланово и глубоко. И все же, мне кажется, можно было бы найти дополнительные штрихи для понимания психологической ситуации того времени. И СССР, и США вышли победителями в войне. На уровне сознания населения каждой из этих стран именно их армии нанесли главный сокрушительный удар по врагу. Крушение Германии и наказание атомной бомбой Японии породили у американского истеблишмента и американских обывателей характерный синдром, названный известным сенатором Фулбрайтом “самонадеянностью силы”. Но этот синдром в определенной мере был свойственен и мышлению советских людей и их руководителей. Более того, то, в каком состоянии вышли из войны наши страны, оказывало существенное влияние на оценку друг друга и самих себя.

О принципиально разном состоянии государств свидетельствуют такие факты, как разорение половины европейской территории СССР, тогда как на территорию США не упало ни одной бомбы. Несоизмеримы военные потери и тем более потери среди мирного населения (в США население даже выросло со 130,8 млн. человек в 1939 г. до 141,4 млн. человек в 1946 г.). Конечно, американцы почувствовали тяготы военных лет: после второй половины 30-х годов с ничтожно малым или даже отрицательным уровнем инфляции в 1942 г. этот показатель вырос до 10,9%, но в Советском Союзе надолго утвердилась карточная система, гарантировавшая полугодное существование основной массы народа. В этих различиях американцы видели залог своего преимущественного положения в разгоравшихся международных спорах. Парадоксальным образом, но в СССР победу такой ценой рассматривали как свидетельство силы и готовности принести еще большие жертвы и ответить на любые вызовы.

В последней, девятой, главе книги представлен тонкий анализ эволюции сознания выдающегося представителя американской внешней политики Дж.Ф. Кеннана (дальнего родственника упомянутого выше Кеннана), к которому автор испытывает давний и неослабевающий интерес. Автор книги, исследуя мысли и действия этого деятеля, уловил и объяснил сложнейшие тенденции в развитии международных отношений и, шире, – направление движения самой истории.

Кеннан, прошедший путь от абсолютного неприятия того мира, который являла собой дореволюционная и советская Россия, к взвешенному “политическому реализму”, как это обозначает В.Л. Мальков, до некоторой степени содействовал формированию выводов автора в заключении книги. В нем В.Л. Мальков подводит промежуточные итоги более чем векового опыта российско-американских отношений, в них были и периоды глубокого антагонизма, и периоды совместных действий против общих угроз. За XX в. Россия трижды испытала колоссальные потрясения. Один раз Америка вынужденно подставила плечо нашей стране и тем самым укрепила в ней режим, в самом существовании которого видела для себя угрозу, но в то же время обезопасила свое будущее процветание. Дважды США оказали определенное влияние на ход российской истории. В начале века, в революционные годы содействовали силам, ломавшим “старый порядок”, но не предвидевшим всех последствий этой ломки, а в конце того же века американская политика максимально использовала глубокий кризис советского государства, способствуя потере им международных позиций и ослаблению его экономической и оборонной мощи. Россия не имела исторических шансов оказать непосредственное воздействие на ход американской истории: США не испытали таких исторических потрясений, какие постигли нашу страну. Советско-американское противостояние превратилось в факт истории. Российско-американские отношения пребывают в стадии развития и, вероятно, еще не раз потребуют “перезагрузки”.

В.Л. Мальков выяснил, как складывались отношения между двумя цивилизациями с различными генетическими кодами, обозначил пределы совместности и отторжения их, выявил роль традиций в культуре и политике и, что особенно удалось автору, продемонстрировал, какое влияние эти традиции оказывали на Россию и США, да и на весь окружающий мир. Один из главных выводов книги состоит в осознании необходимости стремиться к преодолению «искажений или трудностей в воссоздании соответственно русского и американского “другого” в системе представлений о мире

и о себе в этом мире, а также в восприятии тех или иных предпринимаемых обеими странами действий на международной арене» (с. 473). Книгу В.Л. Малькова и следует считать весомым вкладом в решение названной задачи. Насыщенная фактами, а еще более идеями, она, если и не дает ответа на все поставленные вопросы, то определенно будит сознание читателя, заставляет его искать собственные решения непростых вопросов истории и современности. Наконец, читать ее следует еще и потому, что автор, рассказывая об очень сложных вещах, говорит с нами чистым и ярким языком, напоминая нам о живых образцах искусной речи историка, которые являли и С.Д. Сказкин, и С.Л. Утченко, и А.З. Манфред.